

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М.М. Мchedlova
Ю.А. Гаврилов
А.Г. Шевченко

Религия и общество в России:
межконфессиональные отношения
и противодействие экстремизму

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlova.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ: МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ

Статья написана на основании данных социологического опроса, проведённого Центром «Религия в современном обществе» ИС РАН в 2007 г., в ходе которого целевым образом выделялись взгляды представителей различных вероисповеданий и мировоззрений – православных, мусульман, католиков, буддистов и неверующих. Общее число респондентов- 1500 человек, квотные параметры по целевым группам одинаковы. Опрос проведен методом индивидуального стандартизированного интервью в 18 регионах страны.

Установление доброжелательных цивилизованных взаимоотношений между всеми гражданами, каких бы мировоззренческих принципов они ни придерживались, является одной из приоритетных целей любого общества, поскольку обеспечивает и социальную стабильность, и эффективность государственного управления, и культурную целостность. Однако, внедрение толерантных принципов совместного проживания представителей различных мировоззренческих ориентаций невозможно без осознания и ликвидации причин, способствующих возникновению их антипода – религиозной нетерпимости. Проблемы религиозной нетерпимости связываются с проявлениями социально-политического характера, тогда как ее культурно-идеологические выражения имеют более периферийный характер. Поэтому именно культура, ее включение в государственно-институциональную сферу, может рассматриваться как основание для консолидации общества и противодействия крайним формам социальных девиаций.

В условиях, когда религия становится важным фактором идентификации индивида и социальных групп, проблема взаимодействия приверженцев различных конфессий выходит на авансцену социального бытия. Позиционируя себя в качестве последователей определенного течения или мировоззрения, граждане России скорее обозначают свою принадлежность к той или иной культурной традиции, нежели связывают это с вопросом веры. Таким образом, актуализация религиозной идентичности является не столько показателем возрастающей религиозности населения и его возврата к Вере, сколько повышения роли устойчивых культурно-цивилизационных характеристик в жизни индивида и обще-

ства. Это высвечивает целый спектр новых форм взаимоотношений государства, религиозных организаций и общества. Мы сделаем акцент на следующих: соотношении религиозных и правовых норм; школа и армия как сферы сотрудничества государства и религиозных институтов; конкретные культурные предпочтения представителей различных конфессий как основание для сотрудничества.

Базовой для анализа взаимодействия государственных и религиозных институтов является проблема формирования оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений, учитывающей как основополагающие принципы свободы совести, так и исторические традиции России и современные российские реалии. Частным аспектом проблемы конструктивного взаимодействия является вопрос **о правомерности и допустимости сопряжения канонических норм традиционных российских религий и государственных законов**. В связи с этим в ходе исследования сделана попытка выявить мнение респондентов о том, возможно ли включение религиозных норм в систему государственного законодательства (см. табл. 1).

Таблица 1. Мнения респондентов о возможности включения религиозных норм в систему государственного законодательства¹

Варианты ответов	Православные	Католики	Протестанты	Мусульмане	Буддисты	Неверующие
Да	23,2	25,6	21,6	16,4	12,0	3,2
Нет	39,6	29,2	33,2	43,6	35,2	64,4
Возможно в отдельных случаях, исходя из местных условий	28,8	36,0	36,8	27,2	33,2	24,4
Затруднились ответить	8,4	9,2	8,4	12,8	19,6	8,0

Анализ полученных данных показывает, что мнения о недопустимости сопряжения светского и канонического права преобладают над утверждениями противоположного характера, что особенно ярко выражено в нехристианских религиозных группах. Примечательна в этом плане позиция мусульманских респондентов, среди которых негативное отношение к включению религиозных норм в систему государственного законодательства набирает наибольший процент – при том, что в ортодоксальном исламе шариатская система не разделяет чисто религиозную и светскую области правового регулирования, единым источником

¹ В таблицах 1-5 показатели даются в % к опрошенным по соответствующим группам.

нормотворчества для которых является Коран и Сунна (возможно, здесь сказывается опасение мусульманского меньшинства перед гипотетической возможностью введения в государственное законодательство канонических норм православия, которого придерживается большинство российских верующих).

Вместе с тем при более детальном рассмотрении просматривается и другая картина. В каждой из религиозных групп весьма заметный процент опрошенных допускает возможность использования религиозных канонических норм в региональном законодательстве исходя из специфики местных условий: среди протестантов, католиков и буддистов таковых до трети и более, в числе православных и мусульман – свыше четверти. В сочетании данных мнений с ответом «да» мы вынуждены констатировать, что около половины и более респондентов во всех религиозных группах в той или иной форме поддерживают идею использования в государственном законодательстве канонических норм традиционных российских религий. Примечательно здесь и мнение неверующих респондентов, более четверти которых также считает это допустимым.

Вполне очевидно, что в данном случае прослеживается влияние многовековой цивилизационной традиции конструктивного взаимодействия государственных структур и доминирующих религиозных организаций, в том числе на региональном уровне с учетом местных этнокультурных особенностей. Уместно вспомнить, что в Российской империи общегосударственное законодательство в местах компактного расселения нерусских и неправославных народов («некрещеных инородцев») оказывалось вполне совместимым как с каноническим правом признанных терпимых вероисповеданий (шариатские нормы у мусульман, связанные с семейно-брачными отношениями и вакуфным имуществом, талмудические предписания у ортодоксальных иудеев-миснагим), так и с укорененным в местных этнорелигиозных традициях обычным правом (адаты у горцев Северного Кавказа, «степные уложения» бурят и калмыков и пр.) при условии строгого разграничения сфер компетенции. С поправкой на реалии сегодняшнего дня данный опыт вполне может быть востребован в процессе регионального нормотворчества, а исходя из данных социологического опроса, и воспринят позитивно.

Показателем уровня межрелигиозной толерантности, степени консолидации или разобщенности общества, характера переплетения гражданских и религиозных ориентаций людей служит и ответ на вопрос о необходимости учета религиозной принадлежности лица при его избрании на пост главы государства (см. табл. 2).

Здесь наибольший процент респондентов, указавших на необходимость обязательного учета религиозной принадлежности лица при его

Таблица 2. Мнения респондентов о необходимости учитывать религиозную принадлежность лица при его избрании на пост главы государства.

Варианты ответа	Православные	Католики	Протестанты	Мусульмане	Буддисты	Неверующие
Да	57,6	44,4	40,8	34,0	16,4	54,0
Нет	18,4	23,6	25,6	25,2	65,2	21,2
Возможно в отдельных случаях	20,8	25,6	25,6	23,2	14,0	16,4
Затруднились ответить	3,2	6,4	8,0	17,6	4,4	8,4

избрании на пост главы государства, отмечен среди православных, за которыми со значительным отрывом следуют католики, протестанты, мусульмане. Еще в пределах 20-25% опрошенных данных групп допускают возможность такого учета в отдельных случаях. Таким образом в четырех из пяти религиозных групп этот показатель превышает половину, а среди православных приближается к 80%. Принципиально иная ситуация в буддийской группе, где лишь менее трети опрошенных указывает на возможность учета данного фактора, причем обязательность этого поддерживает в 3,5 раза меньший процент в сравнении с православными. Примечательна в связи с этим позиция неверующих: более половины их выступает за учет религиозной принадлежности в обязательном порядке, а в совокупности положительный ответ дают до 70%.

Выбор оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений является базовым условием и для разрешения целого ряда конкретных проблем, связанных с правомерностью участия религиозных организаций в тех или иных сферах государственной жизни, в частности, системе образования и в силовых структурах. В связи с тем, что такого рода проблематика вызвала острые дискуссии и неоднозначную реакцию в российском обществе, вопросы о правомерности введения в государственных учебных заведениях преподавания религиозных учебных дисциплин и учреждения в вооруженных силах института военного духовенства представляются едва ли не самыми острыми. Их можно рассматривать как точки преломления общественных и религиозных интересов.

Как видно из таблицы 3, каждая из отмеченных позиций во всех религиозных группах имеет заметный процент сторонников. Наиболее значительный разброс мнений между религиозными группами наблюдается в отношении мнения об обязательности преподавания религиозных дисциплин – от немногим более четверти опрошенных у православных до в 2,5 раза меньшего процента среди буддистов. Факультативное изучение предметов религиозного характера поддерживают около четверти

Таблица 3. Мнения респондентов о введении в государственных образовательных учреждениях преподавания религиозных учебных дисциплин.

Варианты ответов	Православные	Католики	Протестанты	Мусульмане	Буддисты	Неверующие
Должно быть обязательным преподавание религиозных учебных дисциплин (основ вероучения, религиозной истории и культуры)	26,4	20,0	18,0	15,6	11,6	2,8
Допустимо лишь по желанию учеников и их родителей (факультативно)	23,2	24,4	25,6	31,6	37,6	24,0
Целесообразно преподавать знания об основных религиях в рамках особого религиоведческого учебного курса	17,2	20,8	15,6	11,6	15,6	14,4
Целесообразно включать сведения об основных религиях в учебные курсы общеобразовательных дисциплин (истории, литературы, философии и др.)	23,2	23,2	25,2	27,6	21,2	23,2
Знания о религии не должны преподаваться в государственных учебных заведениях ни в какой форме	5,6	5,2	8,4	8,0	8,4	26,8
Затрудились ответить	4,4	6,4	7,2	5,6	5,6	8,8

респондентов христианских групп и трети – нехристианских, причем наивысший показатель – у буддистов. Отметим, что данная позиция является доминирующей во всех религиозных группах, кроме православных (у которых самый высокий процент набирает мнение об обязательности преподавания религиозных дисциплин). Несколько ниже (в пределах 11-20%) доля сторонников введения специального религиоведческого учебного курса, содержащего сведения об основных религиях и конфессиях. Наконец, практически идентичное количество (в пределах 21-27%) респондентов указало на целесообразность преподавания сведений о религиях в рамках общеобразовательных учебных курсов.

Таким образом, большинство респондентов выступает за то, чтобы сведения религиозного характера в той или иной форме находили место в учебных программах государственных образовательных учреждений. Мнение же о принципиальной недопустимости (ни в какой форме) преподавания знаний о религии носит периферийный характер – во всех религиозных группах его разделяют не более 5-8%.

Аналогичным образом распределились мнения респондентов и по вопросу присутствия священнослужителей в армии и других силовых структурах (см. табл.4).

Самую высокую поддержку во всех религиозных группах имеет мнение о создании условий для удовлетворения религиозных потребностей верующих военнослужащих вблизи воинских частей. Его поддерживает

Таблица 4. Мнения респондентов о введении института военного духовенства.

Варианты ответов	Православные	Католики	Протестанты	Мусульмане	Буддисты	Неверующие
В армии и других военизированных структурах необходимо введение института штатного военного духовенства, представляющего основные российские религии	32,0	23,2	15,6	22,8	16,4	4,8
Присутствие в воинских частях священнослужителей возможно лишь на основе соглашений о социальном партнерстве между военным ведомством и религиозными организациями	12,8	16,8	12,4	8,8	11,6	17,6
Для верующих военнослужащих целесообразно создать условия для удовлетворения их религиозных потребностей вблизи от расположения воинских частей	42,0	40,8	54,4	32,4	44,8	39,2
Религиозные организации не должны быть допущены в армию и другие военизированные структуры ни в какой форме	4,4	9,6	9,6	18,4	14,4	30,8
Затруднились ответить	8,8	9,6	8,0	17,6	12,8	7,6

свыше половины протестантов, более 40% православных, католиков и буддистов, около трети мусульман. За учреждение же института штатного военного духовенства высказался заметно меньший процент опрошенных. Только в православной группе эту позицию разделяет третья часть опрошенных, тогда как у протестантов и буддистов соответствующий показатель вдвое ниже. Еще меньший процент респондентов разделяет мнение о присутствии в воинских частях священнослужителей на основе соглашений между силовыми ведомствами и религиозными организациями о социальном партнерстве. В целом идею прямого присутствия духовенства в армии и других силовых структурах (как на штатной, так и конвенциональной основе) поддерживает довольно значительная часть респондентов – от 40% и более у православных и католиков до примерно 30% в других религиозных группах. Причем процент респондентов православной и католической групп, выступающих за прямое присутствие священнослужителей в армии, идентичен проценту тех, кто разделяет мнение о целесообразности создания соответствующих условий для верующих военнослужащих вблизи воинских частей.

Что же касается мнения о недопущении религиозных организаций в армию ни в какой форме, то сторонниками его во всех религиозных группах выступает небольшая часть опрошенных, причем среди православных и вовсе незначительная. Лишь у мусульман они составляют более заметный процент. Здесь также, видимо, сказались опасения ино-религиозного меньшинства, что допущение в армию и другие силовые

структуры духовенства на практике выльется в присутствие в штате воинских частей лишь православных священнослужителей и в ущемление прав приверженцев других вероисповеданий. Заметим, что в Российской императорской армии религиозные права солдат-иноверцев соблюдались неукоснительно. Помимо православного военного духовенства существовал и немалый штат «военных мулл и ахунов», имевших даже офицерские звания. Достаточно вспомнить сцену воинской присяги в повести А.И. Куприна «Поединок»: все неправославные новобранцы – католики, лютеране, мусульмане, иудеи – присягали России и Государю по обрядам своей религии, под руководством соответствующих духовных лиц. Причем для единственного среди солдат мордвина-язычника была специально введена особая церемония – клятва на хлебе и оружии.

Таким образом, идея плодотворного сотрудничества силовых структур и духовенства у большинства опрошенных всех религиозных групп не вызывает резкого отторжения: от трети до почти половины респондентов выступает за непосредственное присутствие в воинских частях духовных лиц, и почти столько же – за создание соответствующих условий для верующих военнослужащих вблизи от расположения воинских частей. И в группе неверующих, где почти треть настаивает на полном отделении силовых структур от религиозных организаций, заметный процент высказался за создание условий вне пределов воинских подразделений, а более 20% поддерживает идею прямого присутствия в армии духовных лиц.

Культурно-нравственные нормы представляют собой ценностный каркас любого общества, и одним из оснований его является религиозная традиция. Не случайно, эта сфера всегда была и объектом пристального внимания различных религиозных организаций, и залогом социальной стабильности. Поэтому выявление духовно-нравственных ориентаций и культурных предпочтений приверженцев различных религий и мировоззрений позволяет оценить потенциал амортизации нормативной регуляции в России сегодня. Прежде всего, важно определить саму принципиальную возможность и степень допустимости различных действий противоправного и аморального характера.

Для абсолютного большинства опрошенных вне зависимости от их религиозной и мировоззренческой принадлежности характерно ярко выраженное неприятие всего спектра противоправных действий и аморальных поступков. Однако в ряде случаев степень неприятия тех или иных поступков может и заметно различаться в зависимости от религиозно-мировоззренческой ориентации. Для удобства анализа все негативные поступки можно сгруппировать по содержательному признаку, выделив политические, государственные, имущественные пре-

ступления, действия, связанные с уклонением от гражданских и деловых обязательств, аморальные поступки.

Следует отметить, что из всех противоправных действий те, что однозначно отвергаются опрошенными носят характер **политических и государственных преступлений**. Так о полной недопустимости **измены Родине и политического убийства** во всех группах заявило свыше 90%, причем у буддистов данный показатель приближается к 100%. Абсолютно преобладающая, хотя и немного меньшая часть респондентов однозначно отвергает и любое **насилие, совершаемое для достижения тех или иных социально-политических целей**, причем самый высокий процент неприятия имеют буддисты, самый низкий – мусульмане.

Достаточно высокая степень отторжения наблюдается и в отношении к преступлениям имущественного характера. Более всего это относится к действиям, связанным с **криминальным бизнесом**, неприятие которого среди буддистов также приближается к 100%, и лишь среди мусульман – немного ниже. До 80% и более респондентов не приемлют и такие противоправные деяния, как **покупка краденых вещей, обогащение за счет других людей**. Самый высокий показатель в обоих случаях имеют также буддисты, а низкий – в первом случае мусульмане, во втором – православные. Однако что касается **взяток**, то к ним отношение респондентов в разных группах не столь однозначное. О полном неприятии взяточничества и взяткодательства заявило три четверти опрошенных католиков, а мусульман – менее половины. Можно предположить, что в последнем случае сказывается влияние распространенной на мусульманском Востоке традиции, согласно которой умеренное подношение должностному лицу рассматривается как законное вознаграждение, а потому общественным мнением не осуждается, а в ряде случаев имеет даже религиозную санкцию.

Осуждение поступков, связанных с **уклонением от гражданских обязанностей и деловых обязательств** в разных религиозных группах может иметь различный уровень. В наибольшей мере неприемлема для респондентов **деловая необязательность**, причем лидируют в ее неприятии протестанты, от них лишь немного отстают католики и буддисты, тогда как мусульмане и особенно православные следуют за ними с большим отрывом. Здесь может иметь место восприятие приверженцами протестантизма деловой активности как особого религиозного служения. Однако вполне вероятно что большинство российского населения (а к нему как раз и относятся приверженцы православия и ислама), отстраненное от реального участия в деловой жизни, просто не воспринимает обязательства в данной сфере в качестве приоритетных. Еще ниже процент неприятия **уклонения от уплаты налогов** и особенно – **уклонения**

от службы в армии. Примечательно, что по обеим позициям самый низкий показатель (менее половины опрошенных) имеют мусульмане, причем в отношении уклонения от воинской обязанности практически идентичный процент неприятия набирают и православные. Здесь, возможно, сказывается чувство отчуждения от государственной власти, существующее у большинства российских граждан, в атмосфере которого гражданские обязанности воспринимаются лишь как дополнительное бремя, избегать которого вовсе не предосудительно. Причем наиболее отчетливо данная тенденция проявляется среди мусульман.

Значительно выше уровень активного неприятия действий, связанных с **нарушением моральных норм.** Так, практически стопроцентно неприемлемо для респондентов всех религиозных групп **употребление наркотических веществ, добровольного ухода из жизни.** Лишь в мусульманской группе показатель отрицания самоубийства несколько ниже. Резко отрицательно (более 90% во всех религиозных группах, кроме буддийской) респонденты воспринимают также **гомосексуальные связи.** Почти столь же высока степень осуждения **проституции:** только среди православных и католиков этот показатель ниже 90%, тогда как в мусульманской группе он самый высокий. Другие аморальные поступки, к примеру, **супружеские измены и внебрачные половые связи** встречаются в религиозных группах заметно меньшее осуждение. Строже всего и к тем, и к другим относятся протестанты, наименее строго в первом случае – мусульмане, во втором – православные. Причем отметим, что во всех религиозных группах уровень осуждения супружеских измен выше, нежели внебрачных половых связей.

Подводя итоги анализа отношения религиозных респондентов к степени допустимости противоправных и аморальных действий и поступков, можно констатировать, что однозначно негативно воспринимаются государственные и политические преступления и наиболее тяжкие нарушения норм морали, основанных на религиозных заповедях. В частности, политические убийства, измена Родине и одновременно – употребление наркотиков, проституция, гомосексуальные связи имеют во всех религиозных группах практически идентичный уровень абсолютного неприятия, близкий к 100%. Все это создает благоприятную основу для сотрудничества приверженцев различных религий в духовно-нравственной сфере. Вместе с тем менее тяжкие противоправные и аморальные деяния, особенно связанные с уклонением от гражданских обязанностей и деловых обязательств, не всегда осуждаются. Отчетливо проявляется это в группе мусульман, что можно понимать как выражение их несколько большей отчужденности от принципов гражданственности. Преодоление такой отчужденности возможно на

путях активизации участия представителей мусульманской общности в различных областях межрелигиозного сотрудничества и формирования на этой базе общероссийской культурно-цивилизационной идентичности, приоритетной в отношении всех других самоидентификаций (религиозной, этнической, групповой).

Духовно-нравственные ориентации группы **неверующих** довольно близки соответствующим показателям религиозных групп, однако имеются и существенные отличия. Так, неверующие более терпимы. В частности, это касается всех поступков, связанных с отклонением от гражданских обязанностей и деловых обязательств, а так же покупки краденых вещей. Более снисходительны они и в отношении традиционно считавшихся аморальными поступками в брачной сфере.

Культура является тем фундаментом, на котором выстраивается общественное и государственное здание. Какие особенности культурного пространства следует принимать во внимание при выработке стратегий для создания консолидирующих, толерантных взаимоотношений, объединяющих различные религиозные течения и общество в целом?

В числе таких предпочтений на наш взгляд, может быть **кинематограф**. Безусловным лидером не только кинематографических, но и культурных предпочтений во всех группах выступает, в частности, **старое советское кино**, причем у буддистов его поклонники составляют более 90%. Остальные кинопредпочтения следуют за ним с большим отрывом:, особенно у протестантов и мусульман большой популярностью пользуется **современное российское кино**, тогда как в отношении **зарубежного** процент заметно ниже.

Популярность **телевидения**, заметно ниже. Некоторый успех имеют лишь **проблемные телепередачи**, которым отдают приоритет до 60% и выше респондентов в разных группах. Наибольший показатель среди православных, наименьший – у мусульман. Около половины респондентов-мусульман отдало предпочтение **развлекательным игровым телепередачам**, тогда как в других религиозных группах, особенно среди православных, эта доля существенно ниже. От трети до половины и более опрошенных предпочитают **отечественные телесериалы** и от четверти до половины – **зарубежные**, причем и те, и те самый высокий процент предпочтений имеют у буддистов, самый низкий – у православных.

Довольно высокий уровень приоритетности имеет **музыкальное искусство**. Наибольший процент предпочтений имеет **старая советская эстрада**: за нее высказалось свыше 80% буддистов, более 70% православных и католиков, 60% протестантов и мусульман. С небольшим отрывом за ней следуют **народная и русская классическая музыка**. Причем в отношении последней заметен разброс мнений: если у право-

славных и католиков интерес к ней достигает 70%, то у мусульман и буддистов едва доходит до 50%. Уровень приоритетности **современного музыкального искусства** значительно ниже – только в мусульманской группе он превышает 50%.

Среди других видов искусства наибольшее предпочтение все религиозные группы отдают **театру**, при этом среди католиков в общей шкале культурной приоритетности он стоит на втором месте. Даже у мусульман, где данный показатель низкий, он превышает 50%. Несколько ниже приоритетность **изобразительного искусства**, тем не менее оно во всех религиозных группах набирает свыше половины предпочтений. Заметно меньше интерес к **моде и дизайну**. Выше всего он среди буддистов, ниже – протестантов.

Особую сферу культурной приоритетности респондентов составляет **чтение**, причем в первую очередь здесь следует остановиться на **литературно-художественных предпочтениях**. Безусловным лидером среди них выступает **русская классическая литература**, которую среди православных отметило почти 80% опрошенных. Весьма примечательным здесь является значительный разрыв между христианскими и нехристианскими религиозными группами: у мусульман и особенно буддистов соответствующий показатель резко снижается. Более низкую приоритетность имеют **современная русская**, а так же **иностранная литература**. Причем наибольшее предпочтение обе они имеют в католической группе, наименьшее – первая в мусульманской, вторая – в буддийской. **Литературы других народов России, стран СНГ и Балтии** в наибольшей мере приоритетна для католиков, тогда как у православных и мусульман ее указал равно невысокий процент респондентов – около 25%. Таким образом у представителей мусульманских народов в общей шкале их литературно-художественных предпочтений собственная национальная литература столь же периферийна, как и литература нерусских народов постсоветского пространства – для православного читателя. Немного менее половины респондентов в каждой религиозной группе отдают предпочтение такому литературному жанру, как **детективы и фантастика**, причем самый высокий показатель имеют здесь буддисты.

Что касается **нехудожественного чтения**, то в этом плане выделяется отношение к **религиозной литературе**. Лидером здесь выступает протестантская группа, в общей шкале приоритетности которой чтение религиозной литературы выходит на второе место. Католики и православные следуют за ней со значительным отрывом, хотя данное предпочтение отметили более половины опрошенных. Показатели мусульман и особенно буддистов заметно ниже. Обращение же к **философской литературе** носит уже гораздо менее приоритетный характер.

Последнее вполне объяснимо ввиду того, что интерес к философскому знанию проявляет лишь небольшая часть людей, а для его адекватного усвоения необходим немалый культурно-образовательный уровень. Наибольший показатель предпочтений обнаружили здесь католики, наименьший – также буддисты. При этом можно отметить, что чтение **научно-популярной, исторической и мемуарной литературы** имеет довольно высокие показатели приоритетности (в пределах 50-60%) во всех группах.

Нельзя не обратить внимание на относительно более низкую в сравнении с чтением предпочтительность **Интернета**. Более всего к нему обращаются католики, меньше – православные. Здесь, разумеется, важную роль играет степень доступности Интернета. Электронные источники информации к тому же уступают книге в части удовлетворения серьезных культурных и образовательных потребностей. А о том, что такие потребности существуют, свидетельствует достаточно высокий уровень приоритетности **самообразования**, который во всех группах превышает 50%, а среди католиков и православных – 60%.

Суммируя итоги анализа можно отметить, что после старого советского кинематографа, который является абсолютным лидером приоритетности, культурные предпочтения респондентов распределились следующим образом. В **православной** группе от 70 до 80% набирают русская классическая литература и старая советская эстрада; от 60 до 70% – классическая и народная музыка, театр, самообразование, проблемные телепередачи, от 50 до 60% – научно-популярная, историческая и мемуарная литература, современное российское кино, религиозная литература, изобразительное искусство. Среди **католиков** – 70 – 80% предпочтений – театр, русская классическая литература, старая советская эстрада, классическая музыка; 60 – 70% – самообразование, изобразительное искусство, народная музыка, проблемные телепередачи; от 50 – 60% – религиозная литература, научно-популярная, историческая и мемуарная литература, современное российское кино, иностранная литература, зарубежное кино. От 70 до 80% **протестантов** предпочитают религиозную и русскую классическую литературу; от 60 до 70% – старую советскую эстраду, современное российское кино, народную музыку, научно-популярную, историческую, мемуарную литературу; от **50 до 60%** – театр, изобразительное искусство, самообразование, российские телесериалы, проблемные телепередачи, классическую музыку, зарубежное кино. У **мусульман** – от 60 до 70% предпочтений – старая советская эстрада, народная музыка, современное российское и зарубежное кино; от 50 до 60% – русская классическая литература, проблемные телепередачи, самообразование, театр, изобразительное искусство, развлекатель-

ные телепередачи. Среди **буддистов** – более **80%** предпочтений – старая советская эстрада; от **60 до 70%** – театр, изобразительное искусство, современное российское кино; от **50 до 60%** – народная музыка, российские телесериалы, проблемные телепередачи, русская классическая литература, зарубежное кино, самообразование, классическая музыка.

Таким образом, можно констатировать, что большинство респондентов религиозных групп в целом **отдает большее предпочтение «высокой» культуре**, тогда как ее чисто развлекательные разновидности и жанры имеют более периферийную роль. Наиболее отчетливо эта тенденция выражена среди респондентов христианских вероисповеданий, тогда как у буддистов и особенно мусульман она проявляется в меньшей мере. Мусульманская группа к разновидностям и жанрам «высокой» культуры тяготеет в несколько меньшей мере, нежели православная. Данное обстоятельство для налаживания межрелигиозного взаимодействия может иметь определенное негативное значение. Тем не менее, нельзя не отметить, что в числе наибольших культурных приоритетов всех религиозных групп обязательно присутствуют (помимо старого советского кино) такие, как русская классическая литература, старая советская эстрада, народная музыка, театр, изобразительное искусство, современное российское кино, проблемные телепередачи, самообразование. Все это создает предпосылки для сотрудничества в сфере культуры и культурного взаимообогащения приверженцев традиционных российских религий в противодействии деструктивным тенденциям современной социально-культурной и духовной жизни.

Культура являет идеалы и ориентиры общества, его связующие моменты по временным и пространственным параметрам. Осознание единства культурного поля в такой многоконфессиональной стране как Россия, выявление общих ценностных регуляторов, точек соприкосновения последователей различных вероисповедных традиций может служить исходным пунктом укрепления объединительных, консолидирующих тенденций в обществе.